

Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазилев

Забытый съезд: Первый всероссийский съезд по психоневрологии

На основе максимально возможного количества источников в статье предпринимается попытка реконструировать ситуацию реальных обсуждений психологических проблем на Первом всероссийском съезде по психоневрологии.

Ключевые слова: съезд, наука, психоневрология, психология, педология.

N. Ju. Stojukhina, V. A. Mazilov

The Forgotten Congress: the First All-Russian Congress on Psychoneurology

On the basis of maximum possible data, the article tries to reconstruct the situation of real discussions of psychological problems at the First All-Russian Congress on psychoneurology.

Keywords: congress, science, neuropsychiatry, psychology, Pedagogics, the First All-Russian Congress on psychoneurology.

В психологической историографии о первых съездах советской психологии упоминается не так уж часто. Однако съезд как мероприятие отражает и степень разработки как научных, так и прикладных проблем, и полемику, и порой противоборство направлений в науке, имеет чрезвычайно важное значение в развитии науки. В съезде можно увидеть срез актуального состояния, спектр, представляющий в данный момент все существующие теории, искания, мнения, в материалах съезда виден вектор развития. Нами уже неоднократно отмечалось, что в корпусе психологического знания представлены одновременно существующие потоки академической (научной) психологии, философской, практико-ориентированной и т.д. Все они имеют свои функции, их представленность в массиве психологического знания совершенно необходима для нормального развития науки. Именно съезды, собирающие разных представителей, разрабатывающих проблемное поле психологии разными методами, наиболее информативны с точки зрения диагностики развития науки. Эти соображения заставляют нас обратиться к истории Всероссийских съездов по психоневрологии¹.

Очень кратко охарактеризуем некоторые основные события, предшествовавшие съезду. Взятием Владивостока закончилась Гражданская война, и советская власть завершила свое триумфальное шествие по России. Представители ЦИК Азербайджана, Армении и Грузии утверди-

ли договор о создании Федеративного Союза Социалистических Советских республик Закавказья, а 30 декабря 1922 на I всесоюзном съезде Советов утвердили Договор об образовании СССР. Последний раз публично выступал В.И. Ленин. ВЧК упразднена, было создано Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. Весной 1922 г. прошел XI съезд РКП(б), Сталин был избран генеральным секретарем ЦК РКП(б), основана Всесоюзная пионерская организация, вступили в силу Уголовный и Гражданский кодексы РСФСР, Кодекс законов о труде РСФСР. С 1919 г. начали ликвидировать безграмотность, в высшем образовании в 1920 г. были введены рабфаки, чтобы готовить рабочих и беднейшее крестьянство к учебе в вузе. Наступил период НЭПа. В науке тоже были свои итоги. Начиная с 1918 г. за годы военного коммунизма от голода умерло семь действительных членов Академии наук. В октябре-ноябре 1922 г. были высланы за границу более 200 ученых.

Страна понемногу входила в русло мирной жизни. Новые задачи были продекларированы, общество приступило к их осмыслению. Как пишут А. Ясницкий и Е. Завершнева, благодаря значительным материальным ресурсам, предоставленным ученым большевиками, «в послереволюционные годы, как грибы после дождя, возникают новые научные направления, объединения, исследовательские программы. Таким образом, в первые годы советской власти бурно раз-

виваются также научные дисциплины, условно говоря, психоневрологического сектора, такие как педология..., психотехника..., психогигиена..., психотерапия... и учение о высшей нервной деятельности..., психоанализ» [12, с. 335].

Первый всероссийский психоневрологический съезд, прошедший в Москве в самом начале 1923 г. (10.01 - 15.01), собрал самых различных специалистов. Среди выступавших с докладами были: врачи – 82, психологи – 43, педагоги – 2, физик – 1, биолог – 2, фотограф – 1, криминалист – 6 [8, с. 248]. На каждой из семи секций съезда отмечался знаменательный факт – объединения различных наук о человеке в рамках одного мероприятия. Через три года Л.С. Выготский в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса» предложит свой проект будущей науки о человеке, где «дисциплины разного уровня и разной направленности работали бы согласованно и опирались на общее философское основание» [12, с. 337].

О Первом всероссийском психоневрологическом съезде в отечественной историографии известно совсем немного. Известные же данные зачастую трактуют события далекого 1923 г. под углом зрения, ограниченным каким-то личным интересом, пристрастием рассказчика. Поэтому, чтобы составить целостное мнение о съезде, по результатам которого не были опубликованы традиционные «Труды...», имеет смысл ознакомиться со всеми доступными взглядами непосредственных участников событий.

В классической историко-психологической работе Е.А. Будиловой отмечается происходившая на съезде борьба между активными участниками психологических дореволюционных съездов А.П. Нечаевым, В.В. Крамером, Г.И. Челпановым, предполагавших «продолжать старые традиции в психологии» [3, с. 11] и К.Н. Корниловым, «последовательно борющимся против идеалистической психологии, которую отстаивал Г.И. Челпанов» [3, с. 11]. Победил Корнилов, сплотивший для этой борьбы большую группу молодых психологов, стремившихся к построению марксистской психологии» [3, с. 11], против идеалистической психологии выступал также В.М. Бехтерев со своими сотрудниками и учениками. Говоря о съезде, Е.А. Будилова не ссылается на работы очевидцев или участников съезда, этот небольшой отрывок основан на печатных работах главных героев-антагонистов съезда – Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова². А.Н. Ждан в своем учебнике дает краткую справку о съезде

(дата, организаторы, основные докладчики, содержание докладов) [6, с. 402], основанную на известном отчете о работе съезда П.О. Эфрусси, отметив: «Так в 20-х гг. началась перестройка психологии на основах марксизма» [6, с. 403].

Самые известный источник о том съезде – небольшая книжка П.О. Эфрусси³ об итогах съезда [11], менее известные заметки в газетах «Правда» и «Известия» [5], [7]⁴. Нами обнаружены также:

– небольшая заметка, подписанная «Б-ов А.П.» [1]. С большой долей вероятности мы полагаем, что это А.П. Болтунов⁵, который выступил тогда с двумя докладами на педологической и психологической секциях – «К вопросу об исследовании чувственных восприятий посредством картин», «О научных заслугах Бинэ»;

– статья доктора К.П. Веселовской⁶ [4], тоже участницы съезда и докладчицы на педологической секции («Роль врача-педолога в дошкольном возрасте»);

– отчет приват-доцента Донского государственного университета (Ростов-на-Дону) П.И. Эмдина⁷ [10], докладчика на секции неврологии («О хронических формах эпидемического энцефалита»);

– рефераты докладов съезда – объемная публикация (73 страницы), написанная, по всей вероятности, различными авторами, представляющими работу каждой секции [8].

Кроме разницы в объемах этих источников, можно добавить и стилистическое их различие: в рефератах мы находим описание докладов, авторы стараются сохранить беспристрастность, фиксируя выступавших и содержание их выступлений, то же – и в отчетах, приведенных в газетах «Известия ВЦИК» и «Правда», в авторских заметках прочитываются оценки, личное отношение к происходящему.

Нет возможности дать полный обзор работы всех секций, поэтому мы остановимся на освещении деятельности наиболее значимых секций психологии, педологии и психофизиологии труда.

Председателем оргкомитета Первого психоневрологического съезда был избран профессор А.П. Нечаев, секретарем – доктор К.Х. Кекчев. Работало семь секций: неврологическая (председатель – профессор А.С. Минор), психиатрическая (профессор В.А. Гиляровский), психологическая (профессор А.П. Нечаев), педологическая (профессор Н.А. Рыбников, физиологии нервной системы (академик П.П. Лазарев), психофизиологии труда (доктор К.Х. Кекчев), криминальной психологии (профессор С.В. Познышев).

Почетным председателем съезда выбрали академика В.М. Бехтерева. Съезд проходил в большой аудитории МГУ, в аудиториях университета, в Психологическом и Физическом институтах, в клинике нервных болезней и психиатрической клинике 2-го Государственного университета, в Центральном институте труда, в больнице им. Кашенко, в психиатрической клинике Государственной высшей медицинской школы и в клинике 1-го МГУ [8, с. 247]. Было запланировано к выступлению 185 докладов, состоялось 156 (85% от заявленных), из них на психологическую секцию пришлось 18 докладов, педологическую – 23, секцию психофизиологии труда – 10. Как пишет П.О. Эфрусси, «по понятным причинам полнее всего на съезде была представлена Москва» [11, с. 5] – свыше 100 докладов. Плохая связь с другими городами не позволила приехать в Москву представителям многочисленных учреждений, где работают психологи (так из Петрограда было только два докладчика – В.М. Бехтерев и А.П. Болтунов)⁸, поэтому нельзя утверждать, что на съезде представлена полная картина современного состояния психологии, но общую тенденцию развития науки проследить можно. Самое важное, что отличает этот съезд от предыдущих психологических (1906, 1909, 1911, 1913, 1916 гг.), – тесное объединение психологии с различными областями медицины, а не только с педагогикой.

В наиболее известном отчете о съезде П.О. Эфрусси отмечают следующие важные явления. Несмотря на тяжелые времена революций, военного коммунизма, «психология в России сделала неожиданные успехи. Развитие пошло как вглубь, так и вширь» [1, с. 6]: т.е. развивалась и экспериментальная психология, и прикладная (криминальная психология, психотехника, педология, психоанализ). П.О. Эфрусси особо останавливается на «чрезвычайно важных и для многих участников съезда неожиданных достижениях в области теоретической психологии» [11, с. 14] сотрудников Психологического института – учеников Г.И. Челпанова. Подтверждением этого служат доклад самого Г.И. Челпанова «К методике опроса при исследовании высших умственных процессов», а также Б.Н. Северного «Экспериментальное исследование процесса сравнения», Н.В. Петровского «Психологическая природа сознания реальности», П.А. Шеварева «К вопросу об экспериментальном исследовании воли», Н.Ф. Добрынина «Экспериментальное исследование внимания», С.В. Кравкова «О ре-

акции на сходные раздражения», А.А. Смирнова «О свободном течении представлений», Н.К. Котс «Исследование познавательной способности шимпанзе» и М.П. Садовниковой «Исследование поведения птиц в аппарате множественного выбора». В выступлениях других сотрудников психологического института отмечалась, помимо теоретической ценности, также и значимость для прикладной психологии: В.М. Экземплярский «О дифференциальной психологии», «К вопросу о типах представлений», С.Н. Экземплярская «Типические музыкальные восприятия среднего слушателя», П.А. Рудик «Об упражнении в области глазомера», Н.П. Ферстер «Образование привычек в области зрительно-моторных координаций».

Итог работы коллег из Московского психологического института П.О. Эфрусси оценивает очень высоко: «При всем различии тем и степени их разработанности, доклады сотрудников Московского психологического института носят общую печать прекрасной школы. Отчетливая постановка проблемы, полное знание тонкостей методики, соответствующей уровню современной экспериментальной психологии, глубокое знакомство с относящейся к вопросу литературой, стремление достигнуть при обработке результатов возможной в этой области меры точности – вот общие черты, характеризующие школу Г.И. Челпанова в целом» [11, с. 19]. Очевидно, что психолог Эфрусси симпатизирует коллеге, уважает его научные заслуги.

Однако на съезде было не все так спокойно. О работе на секции психологии присутствующие писали: «Боевым оказался вопрос о предмете, методах и очередных задачах эмпирической психологии» [1, с. 81]; «Уже около 20 лет длится бой между физиологами и психологами в России» и далее идет описание «боя» на съезде [10, с. 13]; «в пленарных заседаниях неожиданно с большой остротой выступила тенденция, направленная в сторону отрицания правомерности психологии в том виде, как она развивалась до сих пор» [11, с. 20].

Как пишет П.И. Эмдин, дискуссия разгорелась между объективным учением в психологии («школой Павлова», которая «хочет обойтись без субъективной психологии, хочет все явления сознания объяснить физиологически, путем... условных рефлексов» [10, с. 13]) и субъективным учением Челпанова, претендующим на «само-

стейность» психологии, когда «в рядах одной из сторон началось разложение. На съезде мы были свидетелями глубокого расхождения среди психологов» [10, с. 13], – пишет очевидец. Далее П.И. Эмдин приводит аргумент Челпанова, настаивающего на психологии как самостоятельной эмпирической науки: «Психологии надо принять за рабочую гипотезу эмпирический параллелизм. Но в этом параллелизме надо обе стороны признать реальными» [10, с. 13]. К.Н. Корнилов предложил «свести психическое к материальному и считать психику... особым видом физической энергии. Психические процессы... должны изучаться методами объективными и экспериментальными» [10, с. 13]. Его поддержал академик Бехтерев: «Личность есть продукт биосоциальных условий. Отсюда ясна необходимость и важность объективно биологического исследования личности вместо субъективного изучения... основой личности является мозговой процесс, а не психический. Таким образом, объективно-биологическое изучение личности и метод условных рефлексов должны лечь в основу новой психологии – рефлексологии» [10, с. 14].

А.П. Болтунов после описания сути дискуссии между Челпановым и Корниловым отмечает: «Все эти взгляды в отдельности можно найти у психологов, независимо от их отношения к марксизму; насколько же они в совокупности соответствуют марксистской психологии, – осталось невыясненным» [1, с. 81]. Об этом же – тщетности найти ответ на вопрос – пишет и П.О. Эфрусси: «В.М. Бехтерев нигде не дает ответа на напрашивающийся... вопрос, что нужно понимать под объективным или даже «строгим» объективным изучением личности и возможно ли... абстрагирование от субъекта, как... в естествознании. При попытке такого анализа В.М. Бехтерев сразу убедился бы, что объективную психологию можно обещать или даже требовать, но никак нельзя осуществить» [11, с. 23]. Приверженцы объективной психологии все же не могут обойтись без интроспекции, но проводят ее «не в новой экспериментальной форме, с соблюдением правил, обеспечивающих получение точных данных, а в наиболее несовершенной, устаревшей форме опроса, без какого-либо учета или элиминирования многочисленных источников ошибок» [11, с. 25]. Вновь четко Эфрусси показывает свою симпатию Челпанову в научном споре, когда пишет о Корнилове и Блонском, спешно объединивших и связавших «в одно целое глубочайшую проблему взаимоотношения

психического и физического мира с частными вопросами психологической терминологии и методики», что лишило их «необходимой для научной работы объективности и привело к ряду крайне досадных ошибок и противоречий» [11, с. 22], а убеждение К.Н. Корнилова в том, что он занял «боевую позицию» по методам, и П.П. Блонского в том, что он производит переворот в психологии, приводит обоих докладчиков к «глубокому самообману» [11, с. 30] и выставляет их позиции не новыми [11, с. 32].

Однако, соглашается она, указание этих же участников на необходимость изучения человека не только как индивида, но и как члена общества – совершенно справедливо. Проблема в том, что социальная психология развивается медленно и предмет ее сложен и пока не разработан.

Интересными были выступления на секциях прикладных отраслей психологии. В секции психофизиологии труда с одиннадцатью докладами выступили преимущественно сотрудники Московского психоневрологического института и Центрального института труда [8, с. 296]. В освещении результатов развития этой «молодой ветви экспериментальной психологии – психотехники» разными авторами отмечается одно: в стране она активно развивается, но «недостаток материальных средств и технического оборудования не дают возможности поставить дело сразу на верные рельсы» [11, с. 9], к тому же, если в начале работы международного сообщества психотехников казалось, что проблемы профессиональной пригодности, как основной проблемы психотехники, близки к разрешению, то действительность этих надежд не оправдала. Но это оказалось к лучшему – «исследования последнего года носят уже иной характер, чем раньше, и захватывают вопрос гораздо глубже» [8, с. 297]. П.О. Эфрусси отметила первоочередность в решении проблем психофизиологии труда вопросов методологического характера, разработку «профессиональных психогамм» и профилей, характеризующих отдельных лиц со стороны их одаренности или пригодности к определенной профессии и т.д.

По основным проблемам психофизиологии и психотехники выступил К.Х. Кекчеев, указав на проблему профессиональной пригодности, энергетики труда и питания, влияния среды на производительность труда, профессиональной устало-

сти, рационализации движений. Докладчик констатировал несомненный интерес со стороны врачей, психологов, педагогов к вопросам психофизиологии труда и пожелал, чтобы все многообразие психотехнических проблем разрабатывалось в психофизиологических, педологических, педагогических, физиологических лабораториях.

Докладов, посвященных психотехнике, было четыре. Заведующий психотехнической лабораторией народного комиссариата труда И.Н. Шпильрейн в своем докладе наметил принципы классификации профессий с психотехнической точки зрения. По его мнению, «слабой стороной современной психотехники является недостаточная обоснованность «профессиональных психогрмм», т.е. списков тех психических качеств, которые нужны для успешной работы в той или иной профессии» [8, с. 302]. Докладчиком особенно была подчеркнута необходимость самонаблюдения во время выполнения экспериментатором изучаемой операции. Заведующий психотехнической лабораторией Центрального института труда А.А. Толчинский суммировал выводы, к которым пришла лаборатория в результате годичной работы с психотехническими аппаратами Меде, получившими широкое распространение. Доклады А.П. Нечаева и В.А. Правдолюбова были посвящены вопросу о коллективном испытании летчиков и стенографисток. Они не применяли аппаратов и ограничились изучением внимания и памяти испытуемых при помощи тестов со счетом и с запоминанием цифр, получив хорошее совпадение с «практическим» списком для слабых летчиков и стенографов и удовлетворительное для середины списка.

По вопросам профессионального утомления выступали доктор И.Е. Ишлондский («Физиологические методы изучения трудовых процессов их критическая оценка») и В.В. Ефимов («Вебер-Фехнеровский закон при работе человеческих мышц», «Изучение усталости рабочих на заводах г. Москвы»). Н.П. Тихонов («Научная съемка и применение к изучению труда»), Н.А. Бернштейн («Математический анализ циклограмм») и А.П. Бружес («Миографический и биографический метод изучения нажимных и ударных операций») посвятили свои выступления изучению и экономии рабочих движений.

П.И. Эмдин, отметив новизну науки психотехники как таковой, остановился на деятельности Московского центрального института труда,

куда были организованы экскурсии участников съезда. «Это учреждение задумано было еще в том периоде нашей революции, когда широта теоретического размаха мало считалась с материальными ресурсами и практическими потребностями дня. Поэтому Институт производит впечатление большой, несколько монотонной выставки, а отнюдь не лаборатории» [10, с. 15]. Он ссылается на впечатления наркома здравоохранения Семашко от Берлинского института физиологии труда (проф. Рубнер), где нет места «абстрактным теоретическим исканиям». «Его [Рубнера – прим. Н.С., В.М.] Институт сделался консультантом для всей Германии по вопросам производства. Замечается ли где недостаточно высокая производительность труда, увеличение несчастных случаев, непонятное переутомление, подозрение на ненужную растрату сил, – отовсюду идут запросы к Рубнеру, и получаются от него четкие, ясные, краткие ответы и советы. Институт этот идет действительно по пути связи науки с трудом. Все это, видимо, надлежит еще усвоить нашим прозелитам новой науки» [10, с. 16].

Как пишет неизвестный обозреватель секций психофизиологии труда, «работа секции, несмотря на небольшое число докладов, показала, что русская психофизиология труда не только овладела достижениями западных ученых, но и выдвинула свои оригинальные методы, приведшие в некоторых случаях к весьма интересным результатам» [8, с. 303].

Достаточно полное описание-обзор работы педологической секции мы имеем благодаря включению в историографический контекст статьи К.П. Веселовской, заинтересованно и эмоционально изложившей происходившее. Она отмечает важность этого съезда для педологии, т.к. здесь педологическая секция впервые выделилась в самостоятельную; «голос врача-педолога нашел в педологической секции живой единый отзыв, как со стороны врачей, так и педагогов» [4, с. 54], и признана важной «роль врача-педолога в научно-исследовательской и практической работе детских учреждений, младенческих и дошкольных» [4, с. 57]; в настоящее время, когда «животрепещущим... является вопрос о дефективном детстве», «роль врача-педолога в ее огромно социально-профилактическом значении выдвинута в секции педологии на первый план», и неслучайно произошло «распыление секции дефектологии и слияние части докладов по нормальному и аномальному детству» [4, с. 57]; «сущность педологии... к концу [съезда –

прим. Н.С., В.М.] стала вырисовываться все ясней и ясней и из работ секции отчетливо и бесспорно выкристаллизовались в виде резолюций» [4, с. 54]; «дошкольный возраст приковал к себе внимание почти всех докладчиков» [4, с. 55]; «наша русская педология переживает момент, когда качество работы выступает на первый план перед количественной стороной» [4, с. 57].

Отдельные штрихи добавляет короткий обзор в работе секции, данный А.П. Болтуновым: «П.П. Соколов («Новый метод анализа детских представлений») перенес центр тяжести при исследовании круга представлений на самих исследуемых детей, учитывая количество и содержание представлений, имеющих у каждого ребенка. В.Е. Смирнов («Исследование мышления подростков») применил метод свободных ассоциаций и установил рост внутренней связи между последовательными представлениями с возрастом. К.Н. Соколов («Объективное изучение страха») подошел к анализу переживаний страха с интеллектуальным критерием, проследив изменения в направлении внимания при различных видах страха. А.П. Нечаев («К вопросу классификации душевных явлений»), воспользовавшись методом вычисления корреляций, показал различия в дифференциации душевных функций между детьми и взрослыми и предостерег от перенесения обычной классификации душевных явлений на душевную жизнь детей. Г.А. Фортунатов («Педологическая работа в дошкольных учреждениях») доказал громадную важность консультативной помощи со стороны специалистов-психологов в дошкольных учреждениях. З.А. Столица («Метод целостного подхода к изучению личности ребенка дошкольного возраста») пропагандировала изучение личности ребенка вместо обычного изучения отдельных душевных способностей. В том же смысле высказался Н.И. Минкин («Предмет педологии»), признавая аналитический подход к ребенку более ценным, чем обычный синтетический. Следует отметить далее доклады В.В. Гориневской («Метод изучения физических особенностей детей дошкольного возраста») и М.А. Александровой («О развитии воображения у детей дошкольного возраста»). В резюмирующем докладе А.С. Дурново («К вопросу о педологических исследованиях») был отмечен рост педологического движения в России, высказано, с одной стороны, предостережение против кустарничества в деле исследования детей, с другой – пожелание об организации авторитетного руководящего движением

центра педологических исследований» [1, с. 82]. Обращает внимание сосредоточенность докладов на попытке теоретически обосновать проблемы изучения личности ребенка, о чем свидетельствует три доклада по общепедологическим вопросам и пять – по методологическим.

Н.И. Жинкин попытался дать логическое определение предмета педологии: «Своеобразие и самостоятельность наук констатируется... в своеобразной системе логических выражений, имеющих в виду собственный для каждой науки предмет. Простой конгломерат многочисленных наук, которые используют изучение ребенка для своих целей, отнюдь не могут составлять одну науку педологию. Предмет педологии составляют конкретные формы образования личности» [8, с. 294]. Другой докладчик – доктор П.П. Тутышкин – подчеркнул важность биологического и социального подхода к изучению ребенка, но его попытка слить педологию с педагогикой встретила возражения. О необходимости проводить строгое принципиальное различие между педагогикой и педологией говорил его оппонент Г.А. Фортунатов. «Теоретическая наука – педология не должна сливаться с чисто прикладной наукой – педагогикой. Педология есть наука биологическая, занятая описанием, классификацией и подведением под общечеловеческие законы всех признаков, свойств и функций ребенка; ее специальные законы вытекают из законов общечеловеческих. С другой стороны, внесение в педологию социалистических принципов может повести к целому ряду недоразумений» [8, с. 294]. Об этом же пишет К.П. Веселовская: «Всех докладчиков и оппонентов объединило одно общее... положение...: предметом педологии является цельная личность ребенка. В этом особенность педологии настоящего времени. Прежняя педология с ее «лоскутным» подходом, методом исследования отдельных способностей встретила критику со стороны участников секции, т.к. отводила исследователей... в сторону от понимания целостной личности ребенка» [4, с. 55]. По поводу взаимодействия с другими научными специальностями в области педологии автор замечает: «педология - это не только сумма отдельных, соприкасающихся дисциплин, а стройное, широкое мирозерцание, освещающее путь, пройденный наукой о ребенке, и намечающее вехи для новых исканий и достижений по установленным уже приблизительно путям» [4, с. 58].

За два десятилетия деятельности педологов накопился большой фактический материал о ребенке, рассеянный в многочисленных трудах антропологов, врачей, психологов, педагогов и т.д., он недостаточно использован для научных и для практических целей, но есть острая нужда в строго научном синтезе материалов о ребенке и в углублении научной специализации. А.С. Дурново ставит вопрос о создании единого научного центра, в задачи которого должны войти: всесторонняя организационная и научно-консультативная помощь исследователям в области изучения детства, организация массовых и индивидуальных педологических исследований, консультация по педологическим вопросам педагогическими и медицинскими учреждениями, участие в издании педологической литературы, организация научных конференций и съездов по педологическим вопросам, поддержание постоянной связи с педологическими обществами и научными учреждениями других стран. Исходным пунктом для создания такого центра могла бы служить организация Всероссийского педологического общества с постоянным бюро в Москве. Сами же педологические исследования нуждаются в каком-то упорядочивании, их нужно направить «в сторону параллельной работы в области изучения физического и психического развития нормального, анормального, здорового и больного ребенка, начиная с грудного возраста» [8, с. 293] и даже внутриутробного; для планомерного развития педологических исследований следует использовать наряду со специальными институтами также и детские учреждения охраны материнства и младенчества на местах, педологические кабинеты. Предложение А.С. Дурново вызвало живой отклик со стороны участников съезда.

Проблемы здоровья детей, переживших тяжелое время войн и революций, также рассматривались на секции психиатрии в докладах М.Е. Шуберт «Психофизические наблюдения над голодающими детьми», З.А. Шумской «Влияние голода на интеллектуальную сферу детей», А.А. Кузнецова «Несколько случаев заболевания среди голодающих детей», Ю.М. Флоповой «О психозах на почве голодания у детей», А.И. Винокуровой «О шизофрении у детей». И.М. Левинсон «Детские правонарушения на почве голода», П.С. Цветкова – «Важность изучения психологии преступных подростков для правильной постановки борьбы с детской преступностью», Е.Н. Завьялова «К вопросу

об исследовании особенностей воображения у морально-дефективных детей» на секции криминальной психологии.

Психоанализ, пользующийся в то время большой известностью среди российских психологов, педагогов и врачей, также нашел свое место на съезде: И.Д. Ермаков «Детская игра как продукт вытеснения и повторения» и А.А. Сидоров «Психоанализ и изобразительное искусство» (в их докладах на педологической секции делались попытки применить к анализу произведений искусств и детской игры принцип фрейдизма)⁹, И.М. Левинсон – «К психоанализу этических эмоций у детей» (секция криминальной психологии), М.В. Вульф «О фобиях и их лечении» (секция психиатрии).

К методу психоанализа научное сообщество отнеслось неоднозначно: психиатр С.М. Штейнгауз подверг резкой критике самую методологию психоанализа, отмечая, что «при применении психоанализа, вопреки уверениям психоаналитиков, громадную роль играет элемент внушения, причем индуцируются и врач и пациент. В результате усиленная тренировка тяжелых комплексов, сильная травматизация нервной системы. В увлечении психоанализом наблюдаются нездоровые элементы, понижающие здравую критику. На строго объективной точке зрения не удержались даже Bleuler и Jung. Результаты лечения психоанализом ничтожны, нежелательные последствия нередки, в особенности... когда за дело берутся не врачи» [8, с. 287]. В классической работе Фрейда об анализе фобий у пятилетнего ребенка «больно становится за ребенка, которому неразумные родители буквально навязывали свои предвзятые комплексы» [8, с. 287]. М.Я. Серейский высказал пожелание чтобы «психоанализ вышел из клинического обихода и вернулся опять в лабораторию» [8, с. 287].

Психолог П.О. Эфрусси просто пожелала, чтобы «метод психоанализа не получил популярности среди русских педагогов» [11, с. 13], ввиду опасности его «в тех случаях, где материал собирается с помощью опроса детей, зачастую весьма детального, имеющего целью выяснить бессознательные сексуальные источники самых обыденных проявлений и поступков. Односторонняя направленность внимания наблюдателя на «сексуальность» ребенка, может стать причиной прямого внушения и извращения психики ребенка, т.е. искусственного доведения до его сознания скрытых в глубинах бессознательного переживаний. В общем, при неосторожном поль-

зовании этим методом вероятность влияния на ребенка в смысле ускорения темпа его сексуального развития чересчур велика» [11, с. 12-13].

Таким образом, мы видим, что о безоговорочном принятии психоанализа в отечественной детской психологии в начале двадцатых годов нет и речи.

Нельзя не упомянуть о новой прикладной отрасли психологии, которая выделилась отдельной секцией – криминальная психология. Ее руководитель профессор С.В. Познышев заявил тем самым о возникновении новой научно-практической отрасли психологии. В своем первом докладе «Классификация преступников, построенная на психологических основаниях», С.В. Познышев выступает с определениями главного термина – «преступный тип» («тип психологический, представляющий собою такого рода психическую конституцию, при которой у личности развивается и получает осуществление стремление к известному преступлению при таких обстоятельствах, при которых у громадного большинства людей такого стремления не возникает или последнее не получает достаточного для его осуществления развития») [8, с. 304] и дает их классификацию: экзогенные («случайные») и эндогенные («идейные»: профессионалы и криминолоиды) преступники. В докладе «Психологическая экспертиза в уголовном суде» докладчик доказывает, что настало время исследования личности обвиняемого для «предупреждения преступлений посредством приспособляющего к трудовой жизни в обществе исправительного воздействия» [8, с. 307], но для этого нет специально подготовленных специалистов-психологов. В русле этого доклада был прочитан С.В. Познышевым и следующий – «О криминально-психологических лабораториях», где было заявлено о необходимости устройства в наиболее крупных пенитенциарных учреждениях лабораторий для криминально-психологических исследований. Сотрудники Московского психоневрологического института поддержали профессора своими сообщениями: «Экзогенные преступники и их разновидности» (Н.В. Терзиев), «Домовые воры с точки зрения криминальной психологии» (И.И. Станкевич), «Проститутки-воровки с точки зрения криминальной психологии» (О.А. Скворцова). Часть докладов касалась психологии малолетних преступников.

Итоги съезда участники описывали однозначно положительно, отмечая «жизнеспособность русской психологической науки, солидный и ко-

личественно и качественно состав научных работников, живой интерес со стороны последних к вопросам, выдвинутым современной действительностью, и умение научно подходить к их разрешению» [1, с. 82], что «русская научная мысль не ослабела и во время своего изолированного существования показала, что она может выдержать экзамен на самостоятельность, не уступая западноевропейской» [5 (от 17.01), с. 4]. «Съезд оказался на редкость удачным и своевременным. Освеженные, бодрые, с запасом новых фактов и идей... члены съезда с глубоким удовлетворением оглядываются на проделанную работу» [10, с. 16]. Только П.О. Эфрусси, говоря о перспективе развития психологической науки, увидела необходимость ее реформирования ввиду накопленного экспериментального материала, требующего систематизации, что непременно приведет к дальнейшим успехам теоретической психологии а также к росту и правильному развитию всех многочисленных ветвей прикладной психологии.

Сейчас, спустя 90 лет после Первого психоневрологического съезда, очевидна его ценность не в связи с борьбой К.Н. Корнилова и его соратников против Г.И. Челпанова за новую психологию. Съезд был важен сам по себе. Пока гремели разрушительные революции, войны, «военный коммунизм» заставлял тратить последние силы на выживание, ученые все-таки занимались наукой, а потом, несмотря на транспортный коллапс, нашли возможность собраться. Еще на стадии формирования плана заседаний съезда стало ясно, что наступило время комплексного изучения человека, что демонстрируют как перечень секций, так и перечень секционных докладов. Съезд проявил большой интерес к методам экспериментальной психологии. Психология расширила свою область применения: педология, психотехника, криминальная антропология, психоанализ, причем основатели молодых научных отраслей сразу заявляли о важности и серьезности своей отрасли, пытались определить весь спектр методологических вопросов и обозначить пути их решения.

Библиографический список

1. Б-в А.П. Первый Всероссийский съезд по психоневрологии от 10 до 15 января 1923 года [Текст] // Педагогическая мысль. – 1923. – № 2. – С. 80-82.
2. Богданчиков, С.А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов [Текст] / С.А. Богданчиков. – Саратов, 2000. – 231 с.
3. Будилова, Е.А. Труды по истории психологии. Философские проблемы советской психологии [Текст] / Е.А. Будилова. – М.: Наука, 2009. – 504 с.
4. Веселовская, К.П. Задачи педологии на первом Всероссийском съезде по психоневрологии [Текст] / К.П. Веселовская // Педологический журнал. – 1923. – № 1. – С. 54-63.
5. Всероссийский научный съезд по психоневрологии [Текст] // Известия ВЦИК. – 1923. – 10 января. – С. 4; 12 января. – С. 4; 13 января. – С. 4; 16 января. – С. 4; 17 января. – С. 4.
6. Ждан, А.Н. История психологии. От античности к современности: учебник для вузов [Текст] / А.Н. Ждан. – М.: Академический проект; Екатеринбург: деловая книга, 2002. – 528 с.
7. Первый всероссийский съезд по психоневрологии [Текст] // Правда. – 1923. – 12 января. – С. 3; 16 января. – С. 4; 18 января. – С. 4.
8. Первый всероссийский съезд по психоневрологии. Рефераты докладов [Текст] // Журнал психологии, неврологии и психиатрии. – 1923. – Т. 3. – С. 246-319.
9. Первый Всероссийский съезд по психоневрологии от 10 до 15 января 1923 года. Расписание занятий. [Текст] – М., 1923. – 16 с.
10. Эмдин, П.И. Первый Всероссийский съезд по психоневрологии [Текст] / П.И. Эмдин. – Ростов-на-Дону, 1923. 16 с.
11. Эфрусси, П.О. Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10-15 января 1923 г. [Текст] / П.О. Эфрусси. – Пг., 1923. – 36 с.
12. Ясницкий А. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики [Текст] / А. Ясницкий, Е. Завершнева // НЛЮ. – 2009. – № 100. – С. 334-354.

Bibliograficheskij spisok

1. B-v A.P. Pervyj Vserossijskij s"ezd po psikhonevrologii ot 10 do 15 yanvarya 1923 goda [Tekst] // Pedagogicheskaya mysl'. – 1923. – № 2. – S. 80-82.
2. Bogdanchikov, S.A. Proiskhozhdenie marksistkoj psikhologii. Diskussiya mezhdru K.N. Kornilovym i G.I. Chelpanovym v otechestvennoj psikhologii 20-kh godov [Tekst] / S.A. Bogdanchikov. – Saratov, 2000. – 231 s.
3. Budilova, E.A. Trudy po istorii psikhologii. Filosofskie problemy sovetskoj psikhologii [Tekst] / E.A. Budilova. – M.: Nauka, 2009. – 504 s.

4. Veselovskaya, K.P. Zadachi pedologii na pervom Vserossijskom s"ezde po psikhonevrologii [Tekst] / K.P. Veselovskaya // Pedologicheskij zhurnal. – 1923. – № 1. – S. 54-63.

5. Vserossijskij nauchnyj s"ezd po psikhonevrologii [Tekst] // Izvestiya VTSIK. – 1923. – 10 yanvarya. – S. 4; 12 yanvarya. – S. 4; 13 yanvarya. – S. 4; 16 yanvarya. – S. 4; 17 yanvarya. – S. 4.

6. Zhdan, A.N. Istoriya psikhologii. Ot antichnosti k sovremennosti: uchebnik dlya vuzov [Tekst] / A.N. Zhdan. – M.: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: delovaya kniga, 2002. – 528 s.

7. Pervyj vserossijskij s"ezd po psikhonevrologii [Tekst] // Pravda. – 1923. – 12 yanvarya. – S. 3; 16 yanvarya. – S. 4; 18 yanvarya. – S. 4.

8. Pervyj vserossijskij s"ezd po psikhonevrologii. Referaty dokladov [Tekst] // Zhurnal psikhologii, nevrologii i psikiatrii. – 1923. – T. 3. – S. 246-319.

9. Pervyj Vserossijskij s"ezd po psikhonevrologii ot 10 do 15 yanvarya 1923 goda. Raspisanie zanyatij. [Tekst] – M., 1923. – 16 s.

10. Emmdin, P.I. Pervyj Vserossijskij s"ezd po psikhonevrologii [Tekst] / P.I. Emmdin. – Rostov-na-Donu, 1923. 16 s.

11. Ehfrossi, P.O. Uspekhi psikhologii v Rossii. Itogi s"ezda po psikhonevrologii v Moskve 10-15 yanvarya 1923 g. [Tekst] / P.O. Ehfrossi. – Pg., 1923. – 36 s.

12. Yasnitskij A. Ob arkhetipe sovetskoj psikhologii kak nauchnoj distsipliny i sotsial'noj praktiki [Tekst] / A. Yasnitskij, E. Zavershneva // NLO. – 2009. – № 100. – S. 334-354.

¹ Авторы предполагают посвятить следующую статью анализу Второго всероссийского съезда по психоневрологии.

² С.А. Богданчиков детально разобрал фактические основания, не позволяющие говорить о происходившей на съезде борьбе с последующей победой К.Н. Корнилова и его последователей [2].

³ Эфрусси Полина Осиповна — советский психолог и педагог, доктор философских наук, профессор Ленинградского института по изучению мозга и психической деятельности. Родилась в 1976 г. в г. Кишиневе. В 1885-1893 гг. училась в городской женской гимназии, до 1897 года работала учительницей арифметики в Кишиневском женском еврейском профессиональном училище. Училась: в 1897-1900 гг. в Берлинском университете, в 1901 году в Университете Бреслау, в 1902-1904 гг. в Геттингенском университете, где работала в лаборатории экспериментальной психологии под руководством Г.Э.Мюллера и защитила диссертацию «Экспериментальный подход к учению о памяти». Вернувшись в Россию, поселилась в Петербурге. В 1918 г. стала одним из учредителей Курсов художественного слова (совместно с Н.Н. Бахтиным, А.В. Луначарским и др.), вела курс психологии речи и мышления. Автор многочисленных трудов в области экспериментальной психологии, детской патопсихологии, психологии школьного образования, дефектологии, судебной и генетической психологии, этикетике. В 1942 г. вместе с сестрой – педиатром З.О. Мич-

ник была эвакуирована из блокадного Ленинграда на Северный Кавказ, где обе были схвачены немцами и расстреляны в Кисловодске (по другим данным в Ессентуках).

⁴ О них впервые упоминает С.А. Богданчиков.

⁵ **Болтунов** Александр Павлович (1883-1942) - советский психолог и педагог, специалист в области педагогической и детской психологии, доктор педагогических наук (1936), профессор (с 1917). Окончил Берлинский ун-т (1909), где работал под руководством К. Штумпфа, и в том же году Московский университет. С 1925 по 1936 гг. – профессор ЛГПИ им. А.И. Герцена. На основе теста А. Бине разработал психодиагностическую методику – «измерительную шкалу ума». Большинство исследований в русле психотехники и педологии. Одним из первых в СССР разрабатывал вопросы профориентации школьников. В последние годы жизни работал над вопросами теории и методики педагогической диагностики. Известны его работы: *Как вести педагогический дневник, 1923; Педагогическая характеристика ребенка, 1926; Педагогический эксперимент в массовой школе, 1929; Практикум по теории психологических испытаний, 1927; Педология в школе, 1930; Профориентация в школе, 1934; Слушание и чтение в процессе обучения, 1945.*

⁶ **Веселовская** Кира Павловна (1882-1955) – врач-педолог. В 1920-х гг. активно занималась педологией дошкольного и младшего школьного детства. Известны ее работы: *Педологический практикум (1924); Особенности возраста октябрят (1927); Педологические основы полового воспитания (1926).*

⁷ **Эмдин** Павел Иосифович – российский врач, невропатолог и нейрохирург. Родился в г. Чаусы (Могилевская обл., Беларусь) в 1883 г. После окончания медицинского факультета Казанского университета с 1909 по 1914 гг. работал в качестве клинического ординатора в клинике известного невролога Л.О. Даркшевича. В 1914 г. получил степень доктора медицины. В 1924 г. возглавил клинику нервных болезней Донского государственного университета (Ростов-на-Дону). В 1924-1925 гг. Эмдин стал деканом медицинского факультета ДГУ. Тогда же из общей клиники нервных и душевных заболеваний факультета была выделена самостоятельная клиника нервных болезней, а в 1930 г. преобразована в клинику неврологии и нейрохирургии. Эмдин – первый заведующий организованной им кафедрой неврологии и нейрохирургии, готовит нейрохирургов из невропатологов, а не из хирургов, тем самым создав оригинальную научно-практическую школу неврологов-нейрохирургов. Заслуженный ученый РСФСР (1941). П.И. Эмдин был репрессирован в 1952-1953 гг. Умер в 1959 г.

⁸ К сожалению, только составитель обзора докладов неврологической секции оставил список выступавших, указывая город, откуда они приехали. Это были: Москва, Ростов-на-Дону, Киев, Вологда, Саратов, Екатеринбург, Воронеж.

⁹ П.О. Эфрусси упоминает также доклад И.Н. Шпильрейна «Новый метод психологического анализа счета», прочитанный на педологической секции [11, с. 12].